

© О.И. ФИЛОНОВА

filonova2006@mail.ru

УДК 340

РОЛЬ ПРАВОСОЗНАНИЯ СУДЕЙ В МОДЕРНИЗАЦИИ РСФСР В 1921-1929 ГГ.

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется правосознание судей и его значение в модернизации страны в период НЭПа. Судьи назначались советскими органами по классовому и партийному принципу. Правосознание судей определялось идеологическими установками и способствовало проведению политики государства по модернизации страны. Правосознание судей, основанное на опыте революционной борьбы, направлялось партийными и советскими органами. В 1921-1929 гг. революционное правосознание выступало в качестве принципа правосудия, а при наличии пробелов в праве имело прямое действие. При осуществлении правосудия судьи должны были руководствоваться революционным правосознанием, соблюдать принцип революционной целесообразности, принцип классовости. Государство привлекало внимание судей к рассмотрению дел, имевших значение для модернизации, требовало первоочередного их рассмотрения, проведения показательных процессов.

SUMMARY. The article is devoted to the legal consciousness of judge and its importance in the country's modernization in the period of new economic policy. Judges were fixeappointed by Soviet bodies of power on the basis class and party adherence. Legal consciousness of judges was defined according to ideological awareness to promote the political course of modernization in the country. The judges' legal consciousness, grounded in the experience of the revolutionary fight, moved the party and Soviet organs. In 1921-1929 revolutionary legal consciousness was the principle of the justice, and if there was a gap in law the judge had a right for a direct action. Doing justice, the judges were to comply with the legal consciousness of revolution, following the principle of revolutionary pragmatism and lawfulness. The state attracted attention of the judges to priority consideration of cases, taht have importance for modernization transformations; the processes were of demonstrative character.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Правосудие, судья, правосознание.

KEY WORDS. Justice, Judge, legal consciousness.

В 2009 г. Президентом России провозглашен курс на модернизацию страны. В широком смысле модернизацию можно рассматривать как комплексный процесс инновационных мероприятий, охватывающий все стороны жизни общества [1; 25]. Для эффективности современного процесса необходимо учитывать отечественный исторический опыт, в том числе советского периода. В 1921-1929 г. в России, как и сейчас, происходили модернизационные преобразования, начавшиеся по инициативе государства.

В Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы», утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 20.09.2012 г., отмечается: «несмотря... на значительное увеличение бюджетных расходов на органы правосудия, имеются проблемы, которые не позволяют говорить о том, что процесс модернизации этой сферы удовлетворяет общество» [2].

Вместе с тем к основным мероприятиям Концепция относит строительство и оснащение зданий судов, обеспечение судей жильем и т.п. Существенные же моменты остаются не решенными.

Правосознание судей определяет уровень эффективности правосудия, что в свою очередь влияет и на успех модернизационных преобразований.

Ежегодно в Высшую квалификационную коллегия судей Российской Федерации и квалификационные коллегии судей субъектов РФ поступают десятки тысяч жалоб, содержащих обвинения судей в превышении ими своих полномочий при вынесении судебных актов, отступлении от правовых предписаний. При этом доля привлечения судей к дисциплинарной ответственности крайне мала: 1,5% судей — объектов жалоб [3; 315-316].

Представляется, во многом проблема кроется в неопределенности границ судейского усмотрения и уровне правосознания судей. Существует мнение, что широкое судейское усмотрение может быть питательной средой для злоупотреблений, в том числе и коррупционной направленности [4].

Доминирующим фактором, оказывавшим воздействие на правосознание советских судей, являлись идеологические установки, провозглашавшие диктатуру пролетариата и признававшие наличие классовой борьбы. В.И. Ленин заявлял: «Мы не признаем судов внеклассовых. У нас должны быть суды выборные, пролетарские, и суды должны знать, что мы допускаем» [5; 120]. Того же подхода придерживались и реформаторы. Так, Н.В. Крыленко одну из важнейших задач суда видел в вынесении приговоров и решений, «исходя из правовых идей, свойственных авангарду правящего класса» [6; 22].

Советскому государству важно было осуществлять подбор таких судей, жизненный и трудовой опыт которых свидетельствовал бы о наличии у них революционного правосознания. Критерием подбора судей являлся опыт революционной борьбы, а не юридическое образование и профессионализм. Судьи избирались и отзывались исполнительными комитетами советов.

Отбор судей находился под контролем комитетов партии. Так, Циркуляром Уральского Областного комитета РКП(б) от 4 января 1924 г. указывалось, что назначение народных судей производится областным исполкомом после согласования с окружными комитетами РКП(б) [7].

Партийные и советские органы подчеркивали необходимость преобладания рабочих и крестьян в составе судов. Председатель Уральского областного суда, указывая на большой процент рабочих и крестьян среди судей, отметил, что они «не могут похвалиться юридическими познаниями, но зато являются носителями классовой пролетарской правды» [8; 4].

Члены партии среди судей по РСФСР в 1928 г. составляли 85,9% [9]. Удельный вес коммунистов среди сотрудников органов юстиции был выше, чем в других органах Советской власти. Это свидетельствует о том значении, которое придавалось советскому суду государством. Органами судебного управления подчеркивалось, что наличие в составе судебных работников большого числа членов партии обеспечивало проведение в жизнь директив партии и правительства.

Циркуляром Народного Комиссариата Юстиции (НКЮ) РСФСР от 15 апреля 1924 г. при определении критерия «чисток» было указано, что снятие с должности не должно применяться «к тем судьям, которые принадлежат к рабочему классу и обнаруживают при разрешении дел правильный классовый подход, хотя

они в данный момент еще недостаточно усвоили нормы действующего законодательства» [10].

Партийные комитеты, органы судебного управления требовали от судей при вынесении решений и приговоров руководствоваться революционным (социалистическим) правосознанием и принципом революционной целесообразности.

С момента образования советского государства и до начала 1920-х гг. судьи в отсутствие закона при вынесении решений и приговоров должны были руководствоваться революционным (социалистическим) правосознанием. Согласно Декрету о суде от 24 ноября 1917 г. народные судьи должны были руководствоваться законами свергнутых правительств в той части, в которой они не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию [11]. Декрет о народном суде от 30 ноября 1918 г. воспретил ссылки в приговорах и решениях на законы свергнутых правительств, предписав народным судам применять декреты рабоче-крестьянского Правительства и руководствоваться социалистическим правосознанием [12].

В начале 1920-х гг. были приняты кодексы по разным отраслям права, таким образом, судьи были ограничены в судебском усмотрении, должны были руководствоваться нормативно-правовыми актами. Но судьи продолжали руководствоваться революционным (социалистическим) правосознанием как основным принципом, что было законодательно закреплено. Так, согласно ст. 9 Уголовного Кодекса (УК) РСФСР 1922 г. «назначение наказания производится судебными органами по их социалистическому правосознанию с соблюдением Руководящих начал и статей настоящего Кодекса» [13].

Для понимания роли революционного правосознания в деятельности судей показательна дискуссия деятелей советской юстиции по поводу того, чем должен руководствоваться судья в случае противоречия между законом и революционной целесообразностью. В частности, А. Сольц утверждал, что судья должен применять норму закона с точки зрения той революционной целесообразности, которая помогает в деле государственного строительства. В. Яхонтов критиковал такую позицию: получается, что судья не должен обязательно руководствоваться законом, а должен проверять целесообразность закона на своем опыте и в случае признания, что закон не соответствует революционной целесообразности, закон не применять [14].

Широте судебскому усмотрению способствовали возможность применения аналогии и неконкретность норм кодексов. Но при этой свободе судьи должны были руководствоваться революционным правосознанием.

В гражданском праве допускалось применять аналогию закона и аналогию права. В уголовном праве закреплялась аналогия закона (ст. 10 УК РСФСР) [13]. К аналогии в уголовном праве деятели юстиции относились как к вынужденной и временной мере. Аналогия рассматривалась как явление переходного периода «от права, творимого свободно судьями по их социалистическому правосознанию к праву, установленному организованной волей законодательных органов» [15].

Поскольку законодательные нормы не могли охватить многообразие изменяющейся действительности, революционное (социалистическое) правосознание приобрело значение метода преодоления пробелов в праве.

Нормы кодексов давали судьям определенную свободу для толкования закона. Так, Гражданский кодекс (ГК) РСФСР предусматривал охрану гражданских прав только в случае их соответствия хозяйственно-социальному назначению (ст. 1) [16].

УК РСФСР устанавливался лишь один предел наказания: для преступлений, направленных против установленных рабоче-крестьянской властью основ нового правопорядка или признаваемых ею наиболее опасными, устанавливался низший предел наказания; для остальных преступлений — высший предел наказания.

Органы судебного управления, комитеты партии подчеркивали принцип классовости народного суда.

При определении меры наказания Верховный Суд директивным письмом № 1 от 14 января 1925 г. рекомендовал руководствоваться классовым принципом, который выражался в «правильном определении степени опасности преступления с точки зрения интересов класса, в выдержанном классовом подходе к подсудимому, в правильном учете обстоятельств, определяющих целесообразность назначения размера наказания по каждому виду преступлений» [17].

В то же время в целях соблюдения законности органы судебного управления контролировали деятельность судов. Например, народный суд Курганского округа Уральской области вынес приговор о лишении свободы на срок 10 лет при минимальном пределе 6 месяцев по УК РСФСР. Курганский окружной суд в обоснование правильности приговора указал, что «осужденный — бывший помещик, и общественное мнение требовало строгой социальной защиты». Уральский областной суд отменил приговор, который «может быть объяснен неподготовленностью судьи или наплевательским отношением к существующим законам, дошедшим до беззакония» [18].

Суды, являвшиеся частью государственного механизма, должны были содействовать государству в решении текущих задач.

В период НЭПа органы судебного управления акцентировали внимание судов на делах, имевших политическое и социально-экономическое значение. Такими признавались, в частности, должностные преступления, растрата, приготовление и сбыт самогона, неуплата налогов, дела, связанные с проведением хлебозаготовительных кампаний. От судей требовалось рассматривать указанные дела в первоочередном порядке, с проведением показательных процессов.

На заседаниях Политбюро ЦК принимались решения о слушании определенных категорий дел в показательном процессе, в частности, дела об избиении и убийстве селькора, председателя сельсовета. При этом подчеркивалось, что суд должен вынести приговор на основе всестороннего и объективного анализа всех обстоятельств дела [19].

Вместе с тем, НКЮ РСФСР совершенно секретным циркуляром от 19 октября 1926 г. указал на необходимость соблюдать Постановление Пленума ЦК ВКП(б) от 26 апреля 1925 г., запрещающее в порядке директивы предрешать приговор судебным органам, и Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 сентября 1926 г., запрещающее местным партийным организациям давать директивы судебным органам о мере наказания [20].

Особенностью советского судопроизводства в 1921-1929 гг. являлось придание политического характера отдельным категориям обычных уголовных дел. В частности, в рамках проведения хлебозаготовительных кампаний 1928-1929 гг. НКЮ РСФСР требовал квалифицировать уголовные преступления, совершенные по отношению к колхозникам, сельским должностным лицам или связанные с хлебозаготовками, как политические. Как терроризм квалифицировать нападение на сельских должностных лиц, даже если эти нападения были следствием личных конфликтов, как антисоветское выступление, а не как хулиганство, квалифицировать «спайвание деревенского актива» [21].

Подводя итоги, следует указать, что правосознание судей, отбираемых советскими органами по социально-классовому и партийному принципу, позволяло проводить политику государства по модернизации страны.

Революционное (социалистическое) правосознание играло существенную роль при вынесении судьями решений и приговоров: в первые годы Советской власти в качестве особого источника права, в период НЭПа в качестве принципа правосудия. Революционное правосознание имело прямое действие при наличии пробелов в праве.

Свободе судейского усмотрения в 1921-1929 гг. способствовала широта санкций норм Уголовного Кодекса. Но такая проблема существует и сейчас. Высказывается мнение, что целесообразно формировать санкции статей Особенной части Уголовного Кодекса РФ с тенденцией к сближению пределов санкции с тем, чтобы не сковывать правосознание судьи и, вместе с тем, ограничить судейское усмотрение разумными пределами [22].

Одна из проблем современного правосудия состоит в том, что по сходным делам разные судьи (а иногда один и тот же), выносят различающиеся решения. В 1921-1929 гг. наблюдалось большее единство судебной практики благодаря руководящей и контролирующей деятельности органов судебного управления.

Отправление правосудия в 1921-1929 гг. подчинялось политике партии. Судьи должны были руководствоваться революционным правосознанием, принципом революционной законности, принципом классовости; содействовать мероприятиям, проводимым государством. Революционное правосознание, «кампанейское правосудие» можно оценить как негативные факторы правосудия. Тем не менее, это было объяснимо в конкретно-исторических условиях. Но сложно объяснить значительное число незаконных актов судей в современной России и незначительное число судей, привлекающихся к дисциплинарной ответственности.

В 1921-1929 гг. органы власти, направляя деятельность суда, одновременно следили за соответствием судебных актов закону, широко привлекали судей к дисциплинарной ответственности, вплоть до снятия с должности. В настоящее время судья в силу несменяемости и независимости неподконтролен никому. За неправосудные решения (если не были заведомо неправосудными), отмененные в порядке обжалования или надзора, российский судья не несет ответственности.

Суды в период НЭПа помогали решать не только политические задачи, но и бороться с негативными явлениями в обществе, как, например, в ходе кампании по борьбе с самогоноварением, во время которой проводились показательные судебные процессы с привлечением экспертов, говоривших о вреде пьянства, с опубликованием приговоров в печати. Суды, осуществляя правосудие, выполняли дополнительно воспитательную, просветительную, агитационную функции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винниченко О.Ю. Юридические аспекты современной российской модернизации: к постановке проблемы // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 3. Серия Право. С. 24-30.
2. Концепция федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы» утв. Распоряжением Правительства РФ от 20.09.2012 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 01.10.2012. № 40. Ст. 5474.
3. Клеандров М.В. Статус судьи: правовой и смежные компоненты. М.: Норма, 2008. 448 с.

4. Шнитенков А. К чему ведет широкое судебское усмотрение // Российская юстиция. 2003. № 4. С. 41.
5. Ленин В.И. XI Съезд РКП(б) // Полное собрание сочинений. Т. 45. М.: Изд-во Политической литературы, 1975. С. 65-138.
6. Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. Ч. 1. Основы судоустройства. М.: Государственное издательство, 1927. 164 с.
7. Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 2. Л. 20.
8. Инструктивный Доклад Уральского областного суда о работе судебных органов Уральской области за 1926-1927 гг. Свердловск, 1927.
9. Бюллетень НКЮ № 11 от 01.02 1929 г. Личный состав судебных и прокурорских работников // Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. № р. 475. Оп. 1. Д. 287. Л. 45.
10. Циркуляр НКЮ РСФСР от 15 апреля 1924г. №52 // Сборник циркуляров НКЮ РСФСР за 1922-1925гг. М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1926. С. 10.
11. Декрет СНК РСФСР от 24.11.1917г. «О суде» // Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
12. Декрет ВЦИК от 30.11.1918г. «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.
13. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР (вместе с Уголовным Кодексом РСФСР)» // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
14. Яхонтов В. О революционной законности // Советское право. 1926. № 1. С. 10.
15. Люблинский П.И. Применение уголовного закона по аналогии // Право и жизнь. 1924. № 1. С. 49-50.
16. Постановление ВЦИК от 11.11.1922 г. «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» (вместе с «Гражданским кодексом РСФСР») // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904.
17. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф.148-р. Оп. 1. Д. 647. Л. 18.
18. ГАКО. Ф.№р.475. Оп. 1. Д. 279. Л. 16. Ф.№р. 178. Оп. 1. Д. 15. Л. 127.
19. Российский государственный архив социально-политической информации (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3 Д. 495. Лл. 7, 12, 13.
20. ГАСО. Ф.148-р. Оп. 1. Д. 827. Л. 44.
21. Бюллетень НКЮ РСФСР от 8 марта 1929 г. // ГАКО. Ф.№ р475. Оп. 1. Д. 287. Л. 67-68.
22. Пивоварова А.А. Правосознание и усмотрение судьи: соотношение понятий, роль при назначении наказания: Дисс. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. 228 с.

REFERENCES

1. Vinnichenko, O.Ju. Legal aspects of modern Russian modernization: Statement of the Problem. *Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald*. 2012. No. 3. Serija Pravo. P. 24-30 (in Russian).
2. The concept of the federal target program «Development of the Judicial System in Russia for 2013-2020 years» approved by RF Government of 20.09.2012. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii — Collected Legislation of the Russian Federation*. 01/10/2012. But. 40. Art. 5474 (in Russian)
3. Kleandrov, M.V. *Status sud'i: pravovoj i smezhnye komponenty* [Status of the judge: the legal and related components]. Moscow: Norma, 2008. 448 p. (in Russian)

4. Shnitenkov, A. What is broad judicial discretion. *Rossijskaja justicija — Russian justice*. 2003. No. 4. P. 41 (in Russian).
5. Lenin, V.I. XI Sezd RKP(b). *Polnoe sobranie sochinenij — Complete collection of works* V. 45. Moscow: Politicheskaja literatura publ., 1975. P. 65-138 (in Russian).
6. Krylenko, N.V. *Sud i pravo v SSSR. Osnovy sudoustrojstva* [Trial and the right to the USSR. Fundamentals of judiciary]. Part 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1927. 164 p. (in Russian)
7. *Gosudarstvennyj arhiv obshhestvenno-politicheskoj dokumentacii Kurganskoj oblasti (GAOPDKO)* [State Archive of the socio-political documentation of the Kurgan region (SASPDKR)]. F. 7. Op. 1. E. 2. L. 20 (in Russian).
8. *Instruktivnyj Doklad Ural'skogo oblastnogo suda o rabote sudebnyh organov Ural'skoj oblasti za 1926-1927 gg.* [Briefing Report of the Ural Regional Court of the Judiciary of the Ural region in 1926-1927]. Sverdlovsk, 1927 (in Russian).
9. Bulletin NKJU No. 11 of 1929 1.2. The personnel of the judiciary and prosecutors. *Gosudarstvennyj arhiv Kurganskoj oblasti (GAKO) — State Archives of the Kurgan region (SAKR)*. F. No. r. 475. Op. 1. D. 287. L. 45 (in Russian).
10. Circular NKJU RSFSR of 15 April 1924. No. 52. *Sbornik cirkuljarov NKJu RSFSR za 1922-1925 gg. — Collection of circulars of NKJU RSFSR of 1922-1925*. Moscow: Juridicheskoe izdatel'stvo NKJu RSFSR, 1926. P. 10 (in Russian).
11. The decree of SNK RSFSR 24.11.1917 «Judgment». *Sobranie uzakonenij RSFSR — Collection of laws of RSFSR*. 1917. No. 4. Article 50 (in Russian).
12. The decree of the Central Executive Committee 30.11.1918. «On the People's Court of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (Regulation)». *Sobranie uzakonenij RSFSR — Collection of laws of RSFSR*. 1918. No. 85. Art. 889 (in Russian).
13. Resolution of the Central Executive Committee of 01.06.1922, «On the introduction of the Criminal Code of the Russian Federation (with the Criminal Code of the RSFSR)». *Sobranie uzakonenij RSFSR — Collection of laws of RSFSR*. 1922. No. 15. Art. 153 (in Russian).
14. Jahontov, V. The revolutionary legality. *Sovetskoe pravo — Soviet law*. 1926. No. 1. P. 10 (in Russian).
15. Ljublinskij, P.I. Application of the criminal law by analogy. *Pravo i zhizn' — Law and life*. 1924. No. 1. P. 49-50 (in Russian).
16. Resolution of the Central Executive Committee of 11.11.1922 «On the introduction of the Civil Code of the Russian Federation» (with the «Civil Code of the Russian Federation») *Sobranie uzakonenij RSFSR — Collection of laws of RSFSR*. 1922. H 71. Art. 904 (in Russian).
17. *Gosudarstvennyj arhiv Sverdlovskoj oblasti (GASO)* [State Archive of the Sverdlovsk region (SASR)]. F. 148-p. Op. 1. D. 647. L. 18 (in Russian).
18. *GAKO [SAKR]*. F. No. r. 475. Op. 1. D. 279. L. 16. F. No. r. 178. Op. 1. D. 15. L. 127 (in Russian).
19. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj informacii (RGASPI)* [Russian State Archive of Socio-Political Information (RSASPI)]. F. 17. Op. 3 D. 495. Ll. 7, 12, 13 (in Russian).
20. *GASO [SASR]*. F. 148-p. Op. 1. D. 827. L. 44 (in Russian).
21. Bulletin NKJU RSFSR of March 8, 1929. *GAKO — SAKR*. F. No. r 475. Op. 1. D. 287. L. 67-68 (in Russian).
22. Pivovarova, A.A. *Pravosoznanie i usmotrenie sud'i: sootnoshenie ponjatij, rol' pri naznachenii nakazanija*: Diss. kand. [Awareness of the law and the judge's discretion: the ratio of the concepts, the role in sentencing: Cand. Diss.]. Samara, 2009. 228 p. (in Russian)